

НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА В 1914–1920 гг. *

В рамках данной статьи сделана попытка рассмотреть деятельность научной интеллигенции, направленную на развитие туризма и отдыха на Черноморском побережье Кавказа в 1914–1920 гг.

Ключевые слова: туристско-рекреационный комплекс, Черноморское побережье Кавказа, гражданское противостояние, научная интеллигенция.

В течение многих десятилетий в описании переломного периода российской истории сюжеты, связанные с культурной составляющей эпохи, либо отсутствовали, либо сводились к большевистским преобразованиям в сфере культуры. Ситуация, сложившаяся в культурной сфере российских регионов в годы Первой мировой войны, не актуализировалась, что неудивительно, учитывая искусственно конструируемое забвение событий тех лет [23]. Оставались «в тени» и культурные преобразования 1917-го – начала 1920-х гг. в несоветских регионах.

В рамках данной статьи сделана попытка рассмотреть деятельность научной интеллигенции, направленную на развитие туризма и отдыха на Черноморском побережье Кавказа в 1914–1920 гг.

Туристско-рекреационное пространство Черноморского побережья Кавказа в начале XX в. находилось в процессе формирования. В 1901 г. доктор В. А. Будзинский открыл первый санаторий в Анапе, с 1908 г. шло строительство курортных объектов в Сочи (первая здравница была построена в поселке Мацеста еще в 1902 г., она представляла собой небольшое здание, в котором имелись две мацестинские ванны и котел для подогрева воды). Расширился спектр курортных услуг в Геленджике, Новороссийске.

В 1911 г. в Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа «в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом». Председателем общества стал лейб-хирург профессор Е. В. Павлов. Важную роль в организации и деятельности общества сыграл Н.

---

* ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: eana@mail.ru.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 13-01-00018 «Ученые в условиях гражданского противостояния: практики выживания».

И. Воробьев – уроженец Екатеринодара, ученый, путешественник, обладатель уникальных коллекций. Общество немало сделало для популяризации сведений о Черноморском побережье среди широких слоев населения. Одним из первых шагов стала выставка «Русская Ривьера». В марте 1912 г. по поручению Комитета выставки из Петербурга для проведения съемок «со всего достопримечательного на Черноморском побережье» выехал пионер цветной фотографии в России С. М. Прокудин-Горский. В результате поездки было подготовлено свыше шестидесяти цветных диапозитивов, многие из которых запечатлели виды Гагры [5].

Сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка в столице «Русская Ривьера» (1913–1914 гг.) дала с помощью диаграмм, картограмм и прочей печатной продукции яркое представление о Черноморском побережье как уникальной курортной местности. Выставка привлекла более 100 тысяч человек, включая 75 тысяч платных посетителей [4, с. 11] [21].

С 8 по 17 ноября в рамках выставки работал съезд деятелей Черноморского побережья Кавказа. Его Труды в трех томах оперативно (в 1913–1914 гг.) издали в Санкт-Петербурге. Среди авторов были такие известные ученые, как А. И. Воейков, А. Н. Краснов, И. В. Палибин, доказывавшие перспективность региона как рекреационной зоны, уникальность его климата, природных богатств.

Начавшаяся Первая мировая война вторглась во все сферы жизни общества. Юг России, будучи в относительном отдалении от фронтов, все-таки почувствовал ее близкое дыхание. Мобилизации, госпитали с огромным количеством раненых, гибель на фронтах родных и близких, поток армянских беженцев – жертв турецкого геноцида, поиски внутренних врагов (кампания по борьбе с «немецким засильем», депортации турецко-, германско- и австро-венгерских подданных), разочарование в силе общечеловеческих добродетелей – все это угнетающе воздействовало на людей.

В то же время война обнажила многие насущные проблемы России. На всех уровнях и во всех сферах ставилась задача мобилизации собственных ресурсов – как природных, так и интеллектуальных, снижения зависимости России от зарубежных производителей.

Большинство российских ученых в годы войны видело свой первостепенный патриотический долг в военной мобилизации науки, в содействии милитаризации научно-технических, химических, медицинских разработок, идеологической поддержке воюющей страны.

Для обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем на Кубань, как перспективную в плане полезных ископаемых территорию, направлялись научные экспедиции Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) и других учреждений. Особое внимание уделялось нефтеносной территории в районе Майкопа, Таманскому

полуострову (на предмет добычи там бора, йода, серы), использованию грязевых вулканов в лечебных целях. Общественные организации и научные учреждения Кубани оказывали посильную помощь фронту [13].

В 1916–1917 гг. на Таманском полуострове работала комиссия в составе академика Н. И. Андрусова, профессора (будущего академика) А. Е. Ферсмана, Э. А. Штебера. Выяснялась возможность добычи бора, йода и серы, а также использования метановых струй в районе Темрюка. В связи с обнаружением запасов природного газа был построен электрохимический завод. Работа комиссии привлекла внимание местных специалистов, дала толчок дальнейшим научным изысканиям – уже под патронажем областных властей.

На Кубани проходили экспедиции по исследованию природных богатств с целью поставки сырья заводам Главного артиллерийского управления, располагавшимся на Северном Кавказе.

В фондах Редакционного комитета КЕПС отложилась переписка руководителей Комитета с учеными Юга России и документы об изучении природных ресурсов региона. Интересен доклад приват-доцента Дыбского и студента Григоровича «Йод на Керченском и Таманском полуостровах» с подробным описанием грязевых вулканов на косе Чушка, мысе Малые Пеклы, у Бугазского гирла (40 верст западнее Анапы), вулканов «Синяя балка», «Цимбалы» у станицы Ахтанизовской и др. По мнению составителей доклада, гора Гнилая у Темрюка «может служить для лечебных целей, для получения чистого йода» [18, л. 65–73]. Копия доклада была отправлена академику В. И. Вернадскому.

По поручению принца Ольденбургского (верховного начальника санитарной и эвакуационной части) Г. Л. Стадникову, химику, профессору Новороссийского университета, в 1916 г. выделили 300 рублей из специальных университетских средств для покрытия расходов по летней поездке на Кавказ для исследования грязей Кубанской области [12, л. 11].

В 1916 г. Общество естествоиспытателей при Варшавском университете (Ростов-на-Дону) обратилось к губернатору Черноморской губернии об оказании «возможного содействия» и выдаче «открытого листа на взимание при разъездах земских лошадей» В. Ф. Хмелевскому, командируемому в Черноморскую губернию для флористических исследований и сборов ботанических коллекций [6, л. 101]. Имя Хмелевского к тому времени было хорошо известно в регионе. В начале XX в. он осуществлял научное руководство ботаническими экскурсиями в районе поселка Красная Поляна – в долину Мзымты и на озеро Кардывач, что помогло лучше изучить флору и климат Красной Поляны. Несколько озер на крайней восточной оконечности хребта Ачишхо получили названия Хмелевские [1].

Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшее при Московском университете, уведомляло

черноморского губернатора о командировании неперменного члена и секретаря общества В. В. Богданова для этнографических, археологических и географических исследований и наблюдений. Руководство общества просило «не отказать Богданову в просвещенном содействии» [6, л. 178].

В годы войны в среде научной общественности развернулось широкое движение за создание и усовершенствование русских лечебных местностей. По инициативе Медицинского совета Министерства внутренних дел был созван 1-й Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей, состоявшийся в Петрограде 7–11 января 1915 г. Труды Съезда были опубликованы «по горячим следам». Среди участников съезда – председатель Общества изучения Черноморского побережья Е. В. Павлов, другие члены Общества, представители практически всех курортных мест. Только о Черноморском побережье на съезде было прочитано 16 докладов. Докладчики коснулись нужд Анапы, Новороссийска, Туапсе, Сочи, Сухуми, Батуми, Красной Поляны, Мацесты. Предложения, высказанные на съезде, оперативно обобщались. В основу резолюций по Черноморскому побережью был положен доклад Н. И. Воробьева «Черноморское Побережье в курортном отношении и его нужды».

17 января того же года в Екатеринодаре состоялось первое общее собрание Кубанского отделения Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей. «Обширная Кубанская область, прилегающая к морям Черному и Азовскому, включающая Кавказский хребет, таит немало сокровищ для страждущего человечества», – отмечал обозреватель местной газеты [15, с. 3]. Как сообщалось в журнале «Русская Ривьера», отделения Общества возникли также в Анапе (среди его учредителей были известные своей активностью в области развития курортного дела В. А. Будзинский, Л. В. Пиленко, В. И. Пиленко, М. Ф. Поночевный и др.) и в Туапсе (его председателем был профессор Петербургского университета и местный дачник В. А. Вагнер). Последний поместил на страницах журнала обширную публикацию о Туапсе. Цитируя труды члена-корреспондента Академии наук А. И. Воейкова о климате, пляжах, агрикультурах Черноморского побережья, выступления участников только что прошедшего съезда, опираясь на собственные наблюдения, В. А. Вагнер обрисовал перспективы города и побережья в целом. Он подчеркивал, что «улучшение курортов... является предприятием не только патриотическим, но и очень выгодным с чисто экономической точки зрения». Необходимые со стороны государства вложения (автор называл их «целесообразными и окупающими себя затратами») рассматривались как «искупление своего долголетнего индифферентизма к нуждам побережья». Кроме того, важным представлялось «удержать десятки, если не сотни миллионов, ежегодно

уплачиваемых нами западноевропейским соседям за пользование их курортами, у себя в России» [2, с. 9].

Популярную идею города-сада, разработанную Э. Говардом, в первое десятилетие XX в. начинают претворять в жизнь в дачных поселках России. В 1916–1917 гг. появляется ряд проектов курортных городов, авторы которых руководствуются пониманием города как единого композиционного целого, необходимостью комплексного решения художественно-планировочных, транспортных, лечебно-хозяйственных и прочих задач. Так, в 1916 г. архитекторами Л. А. Ильиным и А. И. Зазерским создается проект курорта Лиран на Черноморском побережье Кавказа [16, с. 122]. Однако проект так и не был реализован.

Несмотря на войну, продолжалась работа по выработке концепции заповедных зон в России. За основу брался в основном американский опыт. Непосредственно перед Февральской революцией было разработано положение о Кавказском государственном заповеднике «для сохранения на вечные времена в первобытной неприкосновенности местной природы с ее представителями растительного и животного царства, особенно зубров» [19, л. 2].

Важным фактором повышенного внимания ученых к южным регионам России стало изменение географии культуры. С западных территорий Российской империи в глубь страны, в том числе на Юг, эвакуировались учреждения образования и науки. В Ростов-на-Дону, например, переехал Варшавский университет (до этого в одном из крупных коммерческих центров России не было ни одного вуза).

Перспектива эвакуации крупных университетов, правительственные проекты организации новых вузов стимулировали соперничество российских городов за право стать вузовским центром. По инициативе общественности, органов городского самоуправления, администрации создавались соответствующие структуры, составлялись аргументированные ходатайства с обоснованием необходимости подготовки в регионе кадров высшей квалификации, подтверждением наличия материальной базы, культурной инфраструктуры и т. д. В ходатайстве Екатеринодарской городской думы о переводе в столицу Кубани «находящегося временно в Харькове» Новоалександрийского института сельского хозяйства отмечалось, что «собственный рассадник высшего образования» будет способствовать превращению Кубанской области в русский Тироль, «могущий завалить Россию и соседние страны продукцией плодоводства» [14, с. 2].

В декабре 1917 г. (еще до установления в регионе советской власти) возник Совет обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), объединивший специалистов в области химии, почвоведения, геологии, сельского хозяйства. Подобные учреждения были основаны и в других регионах бывшей Российской империи. Так, Таврическая научная

ассоциация, созданная в том же 1917 г., объединила многочисленные крымские естественнонаучные и гуманитарные научные учреждения.

Массовый отток населения из столиц последовал в середине 1918 г. Бежали, главным образом, на Юг. Крупным центром беженства стала территория Кубани и Черноморья. После недолгого правления Советов (весной – летом 1918 г.) эти районы являлись важнейшим оплотом Добровольческой армии. Портовый Новороссийск рассматривался как ворота на случай эмиграции.

В сознании современников центры всероссийского беженства приобретали статус новых культурных центров в противовес «старым» – российским столицам. Основой насыщенной культурной жизни новых центров стало сотрудничество провинциальной и столичной интеллигенции.

Историки культуры В. Г. Рыженко и В. Ш. Назимова справедливо отмечали, что временные социокультурные сообщества периода 1914-го – начала 1920-х гг. воздействовали на духовные и материализованные компоненты структурно-цивилизационного ландшафта городов. Чрезвычайность ситуации концентрировала местные и пришлые культурные силы вокруг реализации проектов по созданию новых ячеек социокультурной инфраструктуры [20, с. 150].

Научные общества и учреждения российских регионов представляли собой своеобразное пространство профессиональной и личностной коммуникации провинциальной интеллигенции и столичных ученых. Последние, с одной стороны, интеллектуально обогащали региональные общества, а с другой – имели возможность расширить собственные познания. В. И. Вернадский, например, выступал с докладом о живом веществе в научных обществах практически всех городов, которые посещал в годы Гражданской войны, возлагая особые надежды на прения, «фиксировавшие мысль». Поражают оптимизмом строки из дневника ученого, написанные в конце 1919 г.: «Неожиданно выяснилась возможность принять участие в организации широких исследований Азовского моря и Кубани... Сама судьба дает в мои руки возможность приложить проверку моих выкладок в широком масштабе» [3, с. 192]. По мнению исследователя творчества Вернадского К. Бэйлза (K. Bailes), годы Гражданской войны были самым плодотворным периодом в научном творчестве Вернадского, несмотря на лишения, трудности, опасности. Наука стала для него путем бегства от ужасов войны и революции и поддержания оптимистического взгляда на мир [22, с. 145].

Общество изучения Черноморского побережья Кавказа, теперь уже возглавляемое Н. И. Воробьевым (Е. В. Павлов умер в 1916 г.), географически приблизилось к объекту исследования. 11 мая 1919 г. при Обществе была образована «Постоянная комиссия по охране памятников природы на Черноморском побережье» [9, л. 11].

По инициативе Управления земледелия и землеустройства Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в июне 1919 г. был основан Комитет по устройству Черноморского побережья. Председателем Комитета приказом А. И. Деникина назначили члена Совета Управления и одновременно руководителя Общества изучения Черноморского побережья Кавказа Н. И. Воробьева [7, л. 1].

Комитет сделал ставку на привлечение ведущих ученых для обустройства Черноморского побережья. Выработка положения, программы и объяснительной записки о необходимости открытия зоологического сада и биологической станции была поручена упоминавшемуся ранее профессору В. А. Вагнеру. В письме на его имя констатировался факт недостаточного изучения на побережье «фауны как наземной, так и морской». Отмечалось, что «в то время как на Крымском полуострове существует биологическая станция в Севастополе и великолепный зоологический сад “Аскания Нова”, на Черноморском Побережье нет ни одного подобного учреждения» [11, л. 1].

В рукописи Вагнера «Зоологический сад и Биологическая станция на Черноморском побережье» основное внимание уделено опыту устройства аналогичных учреждений в российских столицах и Западной Европе [11, л. 2–6].

Более приближен к конкретной местности проект устройства ботанического сада в Новороссийском районе, который выполнил по заказу Комитета А. А. Фишер фон Вальдгейм – профессор ботаники, бывший директор Петербургского ботанического сада. Отправным пунктом стало убеждение ученого в том, что изучение местной флоры, а также тех полезных растений, которые могли бы быть в этом регионе, не только желательно в научном отношении, но необходимо для улучшения местных культур и благосостояния края. На территории 20–30 десятин предполагалось вести работы по систематизации дикорастущих растений, опыты по акклиматизации растений, выращивать полезные травянистые древесные и кустарные растения и т. д. В лаборатории для научно-практических работ важная роль отводилась исследованиям по виноградарству и виноделию [10, л. 1–2].

Большой интерес представляет рукопись А. А. Фишера фон Вальдгейма «О промышленном цветоводстве на Черноморском побережье Кавказа». Ученый считал логичным покончить с дореволюционной традицией импорта цветов (в рукописи указано, что в Россию ввозили цветы на 3 млн. рублей в год, главным образом из Ниццы). Он предлагал наладить разведение роз, гвоздик, хризантем, фиалок и других цветов (которые будут обязательно востребованы в России после войны) на побережье от Туапсе до Гагры [9, л. 5–6].

На уровне ранее упомянутых структур, а также руководства Сочинской опытной станции (первого научного учреждения на

Черноморском побережье Кавказа) активно обсуждался вопрос о заповедниках и фитопарках. Заведующий станцией Маркович предлагал создать фитопарк на вверенной ему территории, так как это было сопряжено с наименьшими затратами. Что касалось вопроса о сохранении памятников природы, то предлагалось обратить внимание на адлерские древовидные папоротники, насаждения тиса громадных размеров около селения Марлинского в Имеретинской бухте близ Адлера. В Хлудовском казенном имении важным представлялось сохранение зарослей самшита, около Новороссийска – участка с древовидным можжевельником и мохнатым дубом. Кроме того, «при отобрании Гагры» предлагалось «открыть отделение Сочинского или Сухумского акклиматизационного сада и отвести заповедную полосу леса с пихтой наверху...» [9, л. 4].

В докладе Н. И. Воробьева, составленном в ответ на официальную записку Управления земледелия и землеустройства от 8 мая 1919 г. «Очередные мероприятия по охране памятников природы», отмечено 16 объектов, нуждающихся в охране. Среди них – заросли можжевельника по дороге из Новороссийска в Кабардинку, участки леса в нетронутым виде на Михайловском перевале, черкесские сады, «замечательный, известный всей Европе, произрастающий на болоте близ Адлера известный под названием Царского папоротника тысячелетник *Obmunda Regalis*», насаждения тиса в Имеретинской бухте (бухте Марлинского). По берегам озера Рица предлагалось учредить заповедники пихты, в Гагринском лесничестве – заповедники для сохранения зарослей дикорастущего благородного лавра, самшита, дикого винограда. Планировалось также создать три заповедника в районе альпийской зоны «для сохранения неприкосновенности образцов альпийских лугов» [9, л. 10]. Указывалось на необходимость взять под охрану и объявить неприкосновенными сталактитовые пещеры, окаменелые деревья, представителей фауны (в частности, зубров) [9, л. 11].

Вузовский бум 1918–1919 гг. получил отклик и в Черноморской губернии, где в сентябре 1919 г. официальные лица и представители научной интеллигенции (в частности, геолог профессор С. А. Яковлев) обсуждали перспективы открытия первого высшего учебного заведения на Черноморском побережье Кавказа. Предлагался проект «института по высшим культурам» на базе национального имения Абрау-Дюрсо с двумя отделениями – «энологическим (виноделие и виноградарство) и садоводственно-плодоводственным» [8, л. 1]. С. А. Яковлев выступал за открытие университета с некоторыми изменениями в общей программе (например, создание отделения «по курортному делу» при медицинском факультете). Профессор полагал, что в регионе имеются благоприятные условия для этого: «Огромное население Кавказа, удобное положение Новороссийска, хороший климат, хорошие пути сообщения, сравнительная дешевизна жизни и спокойная атмосфера для занятий» [8, л. 1 об.].

Итак, период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны характеризуется не только разрушительным началом. Документы тех лет свидетельствуют и о созидательных тенденциях, в том числе в области сохранения культурного наследия, создания туристско-рекреационной зоны на Юге России.

Сразу после окончания Гражданской войны на территории Кубани и Черноморья началось формирование заповедных зон, в Новороссийске открылась Биологическая станция, в фокусе внимания которой были биология рыб и санитария моря [17], развивалось курортное дело. Однако ряд проектов и конкретных предложений ученых так и не реализовались по причине забвения, несвоевременности и пр. Не потерявшие актуальность и в наши дни, они могут рассматриваться как ресурс в рамках деятельности по повышению привлекательности Черноморского побережья Кавказа для российских и зарубежных туристов.

Использованная литература:

1. Бреславцева Е. Природный памятник «Озера Хмелевского» [Электронный ресурс] // Золото Сочи. URL <http://www.zolotosochi.com/o-sochi/krasnaja-poljana/prirodnyj-pamjatnik-ozera-hmelevskogo?offset=10> (дата обращения 05.04.13).
2. Вагнер В. А. Туапсе (под впечатлением Курортного Съезда) // Русская Ривьера. 1915. № 1–2. С. 10–11.
3. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921 (Октябрь 1917 – январь 1920). Киев: Наукова думка, 1994.
4. Воробьев Н. И. Отчет Общества изучения Черноморского Побережья за 1914 г. // Русская Ривьера. 1915. № 3–4.
5. Гаранина С. Обзор источников творческого наследия С. М. Прокудина-Горского (1863–1944) // Проблемы культурного наследия в области инженерной деятельности: сб. ст. М.: Политехнический музей, 2001. Вып. 2. С. 141–171.
6. Государственный архив Краснодарского края. Р. 468. Оп. 2. Д. 437.
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р 4. Оп. 1. Д. 25.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 27.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 28.
12. Государственный архив Одесской области. Ф. 42. Оп. 35. Д. 681.
13. Еремеева А. Н. Параскевопуло А. П. Научная жизнь Юга России в годы Первой мировой войны // Народы Юга России в отечественных войнах: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д.: Изд-во Южного научного центра РАН, 2012. С. 244–250.
14. Кубанская мысль. 1915. 10 окт.
15. Кубанский край. 1915. 10 марта.
16. Меерович М. Г. Рождение и смерть советского города-сада // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 117–165.
17. Нагаева Г. А., Созинов А. В. Деятельность ученых Новороссийской биологической научно-исследовательской станции по предотвращению загрязнения Черноморского побережья (1920-е – 1970-е годы) // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX в. /отв. ред. А. Н. Еремеева. Краснодар: Кубанькино, 2009.

---

18. Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392.

20. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. Временные социокультурные сообщества в экстремальных условиях российской истории XX века // Гуманитарное знание: Сер. «Преемственность». Ежегодник Омского гос. педагогического ун-та. Омск: Изд-во Омского гос. педагогического ун-та, 1998. Вып. 2 за 1998 г. Кн. 1: Исторические исследования. С. 130–152.

21. Черноморское побережье Кавказа / сост. В. П. Доброхотов; под ред. Н. И. Воробьева. Краснодар: Традиция, 2009.

22. Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

23. Gatrell P. Russia's First World War: Remembering, Forgetting, Remembering // The Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A.J. Rieber / ed. by M. Siefert. Budapest; NY: CEU Press, 2003.

Scientific Intelligentsia and Formation of Tourist Tourism Complex on Black Sea Coast of Caucasus in 1914–1920–s

EREMEEVA Anna N., Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department of Complex Problems for Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: erana@mail.ru

In this article attempts to examine the activities of the scientific intelligentsia, aimed at the development of tourism and recreation on the Black Sea coast of the Caucasus in 1914–1920 years.

Keywords: *tourism and recreation complex, the Black Sea coast of the Caucasus, civil strife, scientific intelligentsia.*

M. X. Аталикова*

ИНСТИТУТ ГОСТЕПРИИМСТВА КАК МЕХАНИЗМ УСТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматривается институт гостеприимства как один из социально организованных способов установления и поддержания межэтнической коммуникации в кавказском культурном ареале.

---

* АТАЛИКОВА Марьяна Хамидбиевна, преподаватель кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, г. Нальчик, Россия. Электронная почта: maryana.kh5@yandex.ru.